

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФОРМ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Для историка-марксиста изучение истории древнего мира не может сводиться только к установлению тех или иных фактов и объяснению их причинной связи. Явления далекого прошлого дают марксистски мыслящему исследователю богатый материал для разрешения общесоциальных проблем, связанных с современностью. Именно так относились к древней истории основоположники марксистско-ленинского учения об обществе.

Так, например, анализируя в «Капитале» общественный строй и формы капиталистической собственности, Маркс неоднократно прибегает к конкретным примерам и иллюстрациям из области древней истории, а в порядке подготовительной работы к «Капиталу» он внимательно изучает ряд принципиальных проблем истории древнего мира. Плодом подобного изучения явилась работа Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», которая имеет огромное значение для понимания экономической основы рабовладельческого общества.

Так же умело и целеустремленно использовал материал древней истории Энгельс в своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В. И. Ленин чрезвычайно высоко ценил эту работу и в своем историческом труде «Государство и революция», который является крупнейшим вкладом в марксистское учение о государстве, блестяще развил классические положения Энгельса.

Доказав классовую природу государства, а следовательно, его «вечность» и неизбежность его «отмирания», Энгельс и Ленин, по существу, решали жгучую и актуальную проблему современности, противопоставляя намеренно запутанным и лживым «теориям» государства, господствующим в буржуазной науке, марксистское понимание государства. И тем не менее решая общую проблему государства как органа насилия, как орудия эксплуатации угнетенного класса, Энгельс, как мы прекрасно знаем, подошел к вопросу исторически и всесторонне использовал материал, предоставленный древней историей для решения вопроса о разложении рода и образовании государства у древних греков, римлян и германцев.

В. И. Ленин в своей знаменитой лекции о государстве, прочитанной в Свердловском университете 11 июля 1919 г., анализирует классовую сущность не только капиталистического, но также феодального и рабовладельческого государств. Он со всей силой подчеркивает необходимость исторического подхода к проблеме. Говоря о том, что вопрос о госу-

дарстве умышленно запутан представителями буржуазной науки, ибо он больше любого другого вопроса затрагивает интересы господствующих классов, Л е н и н указывал: «для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось» (Соч., т. XXIV, стр. 364), и далее: «самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (там же).

Товарищ Сталин в своем гениальном произведении «О диалектическом и историческом материализме», устанавливая основные законы развития человеческого общества, говорит о соответствии между развитием производительных сил общества и производственных отношений людей. На протяжении всей истории человечества нам известно существование пяти основных типов производственных отношений. Характеризуя их, товарищ Сталин дает блестящее и исчерпывающее определение существа рабовладельческого строя, при котором «основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину» («Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 555).

Эти примеры достаточно ярко характеризуют отношение основоположников марксистско-ленинской науки об обществе к древней истории. Они определяют и для нас, советских историков, понимание задач древней истории и ее актуальность. Актуальность изучения истории древности для нас состоит прежде всего в том, что, изучая рабовладельческую общественно-экономическую формацию, мы вскрываем законы и конкретные особенности ее развития, а это, в свою очередь, дает нам возможность еще более полно и всесторонне осмыслить общие закономерности истории человечества с древнейших времен вплоть до наших дней и понять ход всей мировой истории для того, чтобы изменить его.

Именно поэтому марксистско-ленинская историческая наука никогда не рассматривала древнюю историю в плане эстетствующего любования далеким прошлым, как то свойственно многим буржуазным ученым и даже целым направлениям. Советские историки древности, историки-марксисты, изучали и изучают материал древней истории в первую очередь с точки зрения тех принципиальных методологических проблем, которые возникают в процессе марксистского анализа истории рабовладельческого общества. Поэтому задачей каждого советского историка является борьба с тенденциями ухода в эмпирику и с увлечением «фактологией» без соответствующей работы по теоретическому обобщению конкретно-исторического материала.

Советские историки древнего общества отнюдь не являются любителями или коллекционерами «древностей». Мы стоим за боевое, актуальное и подлинно историческое изучение древнего мира. Но вместе с тем советская наука борется против той грубой модернизации, той беззастенчивой фальсификации древней истории, сводящейся к самым поверхностным, вульгарным и антинаучным аналогиям, которыми спекулирует современная буржуазная наука, выполняя социальный заказ своих хозяев и с лакейской услужливостью доказывая «извечность» капиталистического строя. Путь к выявлению актуального смысла древней истории лежит вовсе не через ее «модернизацию», не через механическое и антиисторическое перенесение современных общественных отношений в далекое прош-

лое, но через выяснение как общих, так и частных закономерностей общественного развития, заложенных в социально-экономической основе рабовладельческих обществ.

Наша современность, наша многогранная советская действительность выдвигают перед нами ряд актуальнейших исторических проблем. Многие из них уже полностью решены в самом ходе победоносного социалистического строительства, решение некоторых из них стоит на очереди. Разве ликвидация антагонистических классов в нашей стране, разве уничтожение частной собственности на средства производства, разве создание советского государства, государства без угнетателей и угнетаемых, без господ и рабов, без богатых и бедных — создание этой невиданной в истории формы государственной власти не есть решение задач всемирноисторического значения? Все эти вопросы приобретают особенно важное значение теперь, когда на очереди стоит решение новой грандиозной задачи: полное построение коммунистического общества в нашей стране. Эти исторические победы одержаны советским народом под мудрым водительством большевистской партии, под руководством величайшего гения человечества — нашего Сталина.

Но нам известно, что проблема существования и борьбы классов уходит своими корнями в глубокую древность. Нам известно также, что частная собственность на орудия и средства производства — эта основа эксплуатации человека человеком — возникла на заре человеческой истории. И, наконец, существование государства как аппарата насилия одного класса над другим насчитывает многие тысячелетия. Но если все это так, то очевидно, что всемирноисторическое значение решаемых нашим народом задач может быть оценено и понято в полной мере только в том случае, если мы сможем осмыслить их в исторической перспективе и не только в «общей форме», но на основе точных, конкретно-научных знаний.

Одной из таких исторических задач, успешно разрешаемых нашим народом под руководством большевистской партии, является дальнейшее развитие и укрепление мощи Советского государства. Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы. Исчерпывающий анализ этого развития дан товарищем Сталиным в его отчетном докладе на XVIII съезде партии в 1939 г. Подводя итоги этому анализу, товарищ Сталин говорил: «мы имеем теперь совершенно новое социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы» («Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 606).

Однако развитие нашего Советского государства на этом не останавливается. Мы идем дальше вперед — к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? Товарищ Сталин дает ответ и на этот вопрос: «да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне, причем понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки» (там же). Развитие и укрепление мощи этого нового, невиданного еще в истории коммунистического государства есть боевая задача всего нашего советского народа. В связи с этим проблема государства во всем ее историческом значении приобретает выдающийся интерес, ибо ясно, что понять новую сущность нашего государства и то, чем оно отличается от всех предшествующих государственных форм, можно только

подойдя к изучению вопроса в его историческом развитии, т. е. так, как этого требовал в своей лекции «О государстве» В. И. Ленин.

Обусловленный этим требованием В. И. Ленина подход к изучению вопроса о государстве открывает широкое поле деятельности перед советскими историками древности. Изучение первой исторически сложившейся формы государства, а именно государства рабовладельческого, выдвигает перед нами целый ряд важнейших конкретно-исторических проблем, которые еще далеко не могут считаться освещенными и изученными на основе марксистско-ленинского исторического метода.

Мы имеем общее и исчерпывающее определение рабовладельческого государства как аппарата, который дает господствующему классу возможность эксплуатации рабов. Это определение мы встречаем в трудах классиков марксизма-ленинизма. В их работах имеются и отдельные конкретные указания, относящиеся к различным этапам развития рабовладельческого общества и государства.

Задача советских историков состоит в том, чтобы, пользуясь этими основными указаниями, на исчерпывающем материале проследить конкретно-историческое развитие государственных форм в древнем мире.

* *

Говоря о государственных формах в древности, мы должны прежде всего иметь в виду замечательное указание Л е н и н а: «формы государства были чрезвычайно разнообразны. ... Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией ... Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика, аристократическая или демократическая» (Соч., т. XXV, стр. 369—370), и ниже: «в рабовладельческом государстве мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей» (там же).

Эти слова Ленина, подчеркивающие с огромной силой классовую суть рабовладельческого государства, должны быть для нас путеводной нитью при изучении государственных форм в древности. Здесь перед нами возникает ряд частных, но тем не менее чрезвычайно интересных и далеко еще не полностью решенных в советской исторической науке проблем.

Начнем с вопроса о различии государственных форм в рабовладельческих странах древнего Востока и государствах античного мира (т. е. Греции и Рима). Далеко еще не все вопросы, связанные с этим различием, объяснены в нашей науке.

Не является изученным в достаточной степени вопрос о возникновении в различных государствах древнего Востока так называемой «восточной деспотии», не проведено в достаточной мере отчетливо различие между разными ее формами. Централизация власти в руках деспота обусловлена была своеобразием общественных отношений, задачами внутренней и внешней политики. Египетские фараоны, хеттские цари, правители финикийских городов обладали большой властью, но отношения их к подданным далеко не тождественны, и эти различия должны быть изучены не только в плане конкретной характеристики политического строя отдельных восточных стран, но в плане истории становления и развития рабовладельческого государства.

Не менее интересен вопрос о возникновении рабовладельческого государства в Греции и Риме. Энгельс в своей замечательной работе, разре-

шая общую проблему происхождения семьи, частной собственности и государства, рассматривает развитие греческого и римского общества как частные случаи, но вместе с тем как определенные этапы в общем процессе исторического развития. Он анализирует процесс разложения греко-римского рода и образование государства как в Афинах, так и в Риме.

Основные принципиальные положения о возникновении античного государства, таким образом, высказаны с исчерпывающей полнотой, и они давно уже стали классическими. Однако ни один из советских историков древности не обратил специального внимания на эту интереснейшую проблему, и мы до сих пор не имеем ни одного серьезного исследования, посвященного становлению античного рабовладельческого государства, в котором на том огромном конкретном материале, который накоплен к настоящему времени наукой, были бы подтверждены и развиты классические положения Энгельса. Нет исследований, посвященных вопросу о военной демократии, о роли ее в жизни различных античных стран, в частности о социальной сущности разных племенных объединений, неожиданно возникавших и быстро распадавшихся. Держава арвернов, дакийское царство Бересты или Децебала именуются в буржуазной историографии «империями», но есть принципиальное различие между великими античными державами, возникавшими на почве развитого рабовладения, и этими политическими образованиями, появившимися на заре государственного развития отдельных народов. Нет сомнений, что указания Маркса и Энгельса о военной демократии помогут разобраться в этих вопросах.

В греческих полисах мы наблюдаем необычайное богатство государственных форм и интенсивность политической жизни, но не все вопросы греческого политического развития получили освещение в нашей литературе. Недостаточно ясным, например, остается вопрос о роли тирании, о том, в какой мере тирания содействовала или препятствовала развитию рабовладельческого общества, о значении ее в ранние и поздние периоды античной истории. Несомненно, что буржуазная историография преувеличивает значение тирании, не видит принципиального различия между тиранами VI в. (Фразибулом Милетским, Поликратом Самосским, Писистратом Афинским) и тиранами IV в. (Дионисием Сицилийским, Клеархом из Гераклеи Понтийской и др.). Между тем в одном случае речь может идти о становлении рабовладельческого государства, в другом случае — об эпохе его кризиса и начала разложения.

Энгельс уделил особое внимание возникновению и развитию Афинского государства. Развитие классовой борьбы в Афинах привело к тому, что полнота власти все больше и больше переходит к коллегиальным органам власти, что и обуславливает торжество античной рабовладельческой демократии в ее классическом выражении.

Но вопрос об афинской демократии намеренно запутан и извращен буржуазной наукой. Часть буржуазных ученых, начиная с Грота, старательно идеализировала афинскую демократию, совершенно игнорируя ее социальную сущность и классовую ограниченность. Другая часть ученых, главным образом представители немецкой науки вплоть до фашиствующих историков типа Берве и др., резко нападала на афинскую демократию, отрицала ее прогрессивное значение и противопоставляла ей военизированный строй аристократической Спарты.

К сожалению, и эта проблема, являющаяся, на наш взгляд, центральной проблемой социально-политической истории древней Греции, не нашла себе достаточного отражения в нашей научной литературе. Кроме общих соображений, высказанных в наших учебных пособиях и укладываемых в несколько десятков строк, мы не слышим голоса советской

науки и в этом вопросе. Нами не противопоставлено еще в достаточно определенной форме свое, марксистское понимание рабовладельческой демократии той насквозь лживой картине, которая создана буржуазной наукой. Проблеме афинской демократии необходимо посвятить серьезное исследование, которое бы прежде всего с полной отчетливостью вскрыло ее классовую основу и подчеркнуло всю классовую ограниченность этой демократии для «свободных», в рамках которой раб считался не человеком, но лишь вещью, «говорящим орудием». Вместе с тем это исследование должно было бы показать прогрессивное значение афинской демократии, возникшей, говоря словами Энгельса, «как результат ряда политических революций» и бывшей для той отдаленной эпохи наиболее передовой формой государственной власти.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, вопрос о становлении римского рабовладельческого государства. В самом начале своей работы Энгельс говорит о значении той системы, которую внес Морган в пред- историю человечества, и подчеркивает, что она должна остаться в силе, «пока значительно разросшийся материал не заставит внести изменения» (Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 162—163). Мы вспоминаем эти слова Энгельса именно потому, что за те 60 с лишним лет, которые проте-кли со дня выхода в свет «Происхождения семьи, частной собственности и государства», материал по ранней истории Рима значительно разросся. Достаточно сказать, что новые археологические открытия дают возможность в настоящее время гораздо более полно восстановить ранние этапы развития римского государства, чем это можно было сделать несколько де-сятилетий назад. Мы получили за последние годы дополнительные данные о так называемом этруском периоде в истории Рима, в значении которого для развития римского общества ныне не сомневается ни один серьезный исследователь. И поистине замечательным является тот факт, что этот новый и разросшийся материал по ранней истории Рима отнюдь не застав-ляет вносить какие-то изменения во взгляды Энгельса на становление римского государства, но полностью подтверждает их. Перед советскими историками древности стоит ответственная и интереснейшая задача: осмыслить этот новый материал в свете основных положений Энгельса. Мы уверены, что на основании большой критической работы над источни-ками, проделанной в науке за последние десятилетия, на основании новых археологических данных, гениальные мысли, высказанные Энгельсом, могут быть значительно развиты и конкретизированы.

И, наконец, чрезвычайно интересно было бы проследить развитие форм государственной власти в римском рабовладельческом обществе, начиная от раннереспубликанских форм и вплоть до утверждения византийской монархии. Несомненно, подобное исследование может оказаться плодотворным лишь в том случае, если государственные формы в их развитии будут рассматриваться не как абстрактно-правовые категории, оторванные от своего классового содержания, как они рассматривались представи-телями формально-юридической школы в буржуазной науке: Моммсе-ном, Савиньи, Пухтой и т. д., но как определенные и вполне реальные формы политических отношений, развитие которых отражает динамику исторического развития римского рабовладельческого общества.

Римские государственные институты не были чем-то навсегда застыв-шим, не были выражением какого-то абстрактного «римского духа», как то утверждает буржуазная наука. Они видоизменялись под влиянием классовой борьбы и тех новых политических задач, которые выдвигались самим ходом истории перед господствующими слоями римского рабовла-дельческого общества. Только такое понимание вопроса дает возможность вскрыть историческую роль государства в различные периоды римской

республики и направить изучение становления истории на путь, ведущий к разрешению широких теоретических проблем. Мы считаем, что советская наука имеет полную возможность дать исчерпывающее определение социально-экономической сущности принципата и оценку его исторической роли.

Нам известно высказывание Энгельса, определяющее классовую природу римской империи как военную диктатуру господствующего класса рабовладельцев (М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, стр. 11). Оно должно быть для нас отправной точкой при изучении этого важнейшего периода римской истории. Но, устанавливая историческое место и значение принципата как военной диктатуры рабовладельцев, мы должны полностью раскрыть и другие слова Энгельса: «римская республика была действительна, но так же действительна была сменившая ее римская империя» (М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 636). Контекст фразы не оставляет сомнения в том, что Энгельс говорил здесь о действительности римской империи в смысле ее исторической необходимости.

Вместе с тем советские историки, исследуя проблемы древней государственности, должны стремиться показать те местные особенности развития, которые сохранялись вопреки нивелирующим тенденциям господствующих центров. Своеобразные формы государств Малой Азии, Закавказья, Средней Азии и Северного Причерноморья должны быть изучены особо внимательно, поскольку в них находила свое выражение борьба местного населения против захватнической политики крупнейших государств древности и особенно Рима, столь неуклонно стремившегося к уничтожению всякой самостоятельности и самобытности подчиненных государств и народов.

Таков, на наш взгляд, круг основных вопросов, на которые распадается проблема рабовладельческого государства. Эти вопросы, несомненно, имеют актуальное теоретическое значение. Их решение поможет нам более полно и глубоко осознать основные закономерности исторического развития древнего мира. Поэтому они и должны быть решены советской исторической наукой.

